

АЛЬФИНА

АЛЕКСАНДРА ГОЛУБЕВА

АЛЬФИНА
АЛЕКСАНДРА ГОЛУБЕВА

КАТАСТЕРИЗМ

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г62

Иллюстрация на переплёте *Анны Эжес*

Голубева, Александра.
Г62 Катастеризм / Александра «Альфина» Голубева. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-107193-6

Не бывает технологий, способных вернуть молодость. Не бывает чудо-лекарств, способных вылечить любую болезнь. Или бывают? Зря мы, что ли, строили будущее?

В этом мире наконец-то можно позвонить на ключи, записи с видеокамер помогают распознавать потенциальных преступников, а бахилы не надевают, а напыляют. Мы нашли ответы почти на все вопросы — кроме парочки.

Как понять, что перед тобой: прорывная технология или шарлатанство? И что именно делать, когда эту «прорывную технологию» за бешеные деньги продаст твоим стареющим родителям безымянный коммивояжёр? Это же не может быть правдой — чудо-лекарств ведь не существует.

Верно?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107193-6

© Голубева А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Умирать не так уж страшно,
если делать это понемногу.

Грег Иган¹

Да что я, Лермонтов, что ли!

Булгаков²

¹ «Диаспора», 1998. Перевод — автора книги.

² «Необыкновенные приключения доктора», 1922.

Глава 1

ЗАДАЧА КОММИВОЯЖЁРА

У каждой квартиры есть свой запах. Где-то пахнет животными, где-то детьми, лыжной мазью или старостью; но главное — в любом месте, где обитают люди, отдаёт *другим человеком*. Запах этот нельзя назвать скверным, он — знак предупреждающий, а не запретительный. Жёлтый свет. «Ты здесь гость».

Запах есть у каждой квартиры — кроме, конечно, твоей собственной, ведь собственный запах человек не ощущает.

И однажды наступает странный момент, когда впервые замечаешь, чем пахнет квартира твоих родителей. Позавчера ты жил здесь сам, вчера заглядывал — и она была ещё твоей, а сегодня вдруг, развязывая шнурки в коридоре, улавливаешь что-то эдакое, что даже трудно назвать. Специи? Вроде нет. Пыль? Если и так, то какая-то особая. Может, старые вещи? Пожалуй — но не абы какие, а папино смешное кепи, что он не доставал уже лет двадцать, и на самом деле не кепи само, а запах *папы* на нём.

Его человеческий дух. Он всегда был и твоим тоже, а потом однажды сделался посторонним. А ты стоишь теперь на пороге с вафельным тортиком и удивляешься: как так — вы разве тоже люди?

Отдельные от меня?

Даня уже много лет чувствовал этот запах. Но всякий раз, когда он приезжал к родителям, ему всё равно приходилось снимать у вешалки не только пальто и ботинки, но и гримасу этого удивления — ведь, наверное, удивление только потому и приходило, что навещал он их недостаточно часто.

Он старался быть прилежным сыном, но разве не в том счастье родителя, чтобы твой ребёнок жил полной, интересной, самостоятельной жизнью? А между полным да интересным поди наскреби золотые часы на дальнюю поездку.

— Проходи, проходи, я уже всё приготовила!

На полочке перед зеркалом в коридоре стояли миниатюрные лосиные рога, похожие не то на крылья, не то на многопалые инопланетянские руки, заломленные вверх в мучительном жесте. Впрочем, рогами они только выглядели — на самом деле эту штуковину папа выпилил из дерева. В подарок маме на какую-то годовщину.

Невольно улыбнувшись, Даня натянул на рога перчатки. Он всегда так делал.

Небритое широколицее отражение с хитрым видом натянуло свою пару перчаток на свою пару рогов.

— Данечка, не топчись, давай уже!

Интересно, в какой жизненный момент человек перестаёт называть себя сокращённым именем, подумал Даня, заходя в кухню и обнимая маму, жаркую от плиты. В книгах и СМИ никогда ведь никого не называют по-человечески. Если поверить печатному слову, выйдет, что живём мы в мире сплошных Базаровых, Онегиных и Катерин.

И нет нигде Жень, Женечек и Катюш.

Но сам он родился Даней, Даней отучился в школе и закрыл курсы, Даней стажировался и добрых пятнадцать лет проработал рекламщиком. Даней встретил тридцатилетие, Даней приехал сегодня к родителям в гости. И сколько ни лез он себе в душу, не отыскивался у него рычажок, который надо отжать, чтобы стать уже взрослым и солидным имяреком.

Может, однажды некий взрослый и солидный имярек, рычажок отжавший и зовущий себя по фамилии, встретится ему на жизненном пути — и можно будет узнать, на что это похоже.

Но не сегодня: уж для мамы-то с папой он точно Даня.

Всю жизнь, сколько Даня себя помнил, мама резала прямоугольные торты как круглые: не решёткой, а треугольными кусками через центр. Привычка, если вдуматься, очень странная, выросшая из какой-то старой студенческой шутки; но Дане до сих пор трудно было смириться с тем, что кто-то режет иначе. Как же тогда воевать за самый большой кусок?

Где же тогда интрига?

— И вновь ты не проходишь проверку на ум, честь и совесть, — улыбнулась мама, когда Даня грохнул себе на тарелку самый крупный треугольник. Вафля рассыпалась по морде на-малёванного на дне лупоглазого щенка.

— На чужой роток не накинешь платок, — нравоучительно ответил Даня.

— Это выражение про гласность, а не чревоугодие.

— Расскажи подробнее, — жевал Даня. — Чем больше ты говоришь, тем меньше ешь.

Но мама и так не ела. И кофе, не сразу заметил Даня, сварила только на него одного — а сама прихлёбывала какой-то блёклый, хоть и душистый чай.

— Доктор не советует, — перехватила она его взгляд. Смутилась: — Давление. Ничего, сейчас папа придёт...

И сразу стало как-то неловко, будто весь этот уютный домашний пар — не по правде, а

на заказ. Хотя почему не по правде? Пьёшь ты кофе или нет, что может быть всамделишной, чем посидеть с сыном на кухне? Пусть бы и с покупной едой, и с заказной — но мало что ценил Даня сильнее, чем устроиться возле плиты, в тепле, отчертившись от внешнего мира и посторонних окном. Он не любил ни кафе с ресторанами, ни официальных ужинов в гостинной.

Кухня — тёплое сердце дома, а кухня родителей всегда остаётся немного твоей, даже когда остальная квартира уже отсохла.

Может, потому что здесь запах еды перебивает все прочие.

— Ты б предупредила — я бы привёз тебе шпината. Или что там полагается здоровым людям.

Скуластое мамино лицо подёрнулось задумчивостью. Она потеряла уголок салфетки в салфетнице:

— Забыла. Ты уж прости. За всем не уследишь. Вот если бы ты с нами жил...

— Мам, — мягко ответил Даня, — я взрослый дядя. Я не могу жить с родителями.

— Конечно! Конечно! — всполошилась она. — Конечно, не можешь, я и не говорю! Просто... ты же понимаешь. Мы совсем не видим, чем ты живёшь...

— У вас же есть мои аккаунты. И в анаграме, и в заппере...

— Да-да, есть! Ты очень интересное пишешь! Конечно. Чепуха это всё. Да и мы далеко от метро живём, тебе было бы неудобно с работой. Ну, если бы только ты не захотел эту квартиру продать, переехать куда-нибудь, хотя, конечно, кто будет с таким возиться, вот ещё...

Мама отлично знала, что Даня работает удалённо, и продолжала мять салфетку.

В молодости Данина мама была очень красивой. Да и папа Данин в молодости был хорош собой. Он преподавал динамическую геологию у неё на курсе. Влюбился в скуластую смешливую студентку — не за академической скамьёй, а в экспедиции на Шпицбергене, когда во время полярного дня у неё выступили внезапно на носу веснушки. Благородно уволился, чтоб без конфликта профессионального с личным; позвал замуж; она согласилась, только с условием, что в её аспирантуру он снова вернётся.

В научные руководители, впрочем, его не взяла.

В молодости Данина мама была очень красивой. Они оба были красивыми, весёлыми, энергичными, *настоящими*. Ходили в Арктику; оттаявшая тундра вместо штукатурочных стен и венки из ягеля вместо подвенечного платья. На свадьбу папа подарил маме молодого пес-

ца, засунув его в болотник, а потом они вместе выпускали эту злющую дикую шавку, чертыхаясь и не зная, как его так вытряхнуть, чтобы он никого не укусил и не пришлось прокалываться от бешенства.

Ключья песцовой шерсти выскребали из этого болотника ещё несколько лет. Может, это ими пахнет родительский дом?

Оба они были весёлыми и энергичными — а потом однажды перестали. Весёлыми, энергичными и геологами ведь бывают только молодые. После же из красивых люди становятся «в молодости красивыми». Пальцы их желтеют, веснушки прячутся за дефектами кожи, а на песцовую шерсть обнаруживается вдруг аллергия. И ездить в тундру стало вроде как не с руки — природа вовсе не спешила привечать по старой памяти тех, с кем прокутила в юности не одну полярную ночь. Мама взялась учить новое поколение тундроведов, благо цивилизация поползла нынче на север и желающие учиться находились. Папа взялся за выжигательный аппарат: для него всегда это было не про изобары с изотермами, а про запах можжевельника и следы воскресших мамонтов в проталинах — и как иначе их вернуть?

Дерево хотя бы пахнет — впрочем, в мастерской почти в центре Питера пахнет оно в основном выхлопными газами.

Как лупоглазый щенок со дна тарелки, вознамерившийся пристроиться поспать, Даня топтался мыслями на месте и кружил вокруг вопроса, как ему так поговорить с мамой, чтобы она перестала делать вид, будто не хочет того, чего на самом деле хочет, и при этом — поняла, что он никак не может ей этого дать.

К счастью, из этических тенёт его выдернул грохот двери. В коридоре завозились, потом по нему прошлёпали тапки, и в гостиную ворвался папа, привычно долговязый и самодовольный. Он улыбался от уха до уха и прижимал к свитеру какую-то картонную коробку.

— А я-то надеялся, что ты вышел в ларёк за картриджами для фильтра и теперь никогда не вернёшься, — обнял его Даня.

Папа был весь как будто пересыпан своей древесной пылью, хотя сегодня не ходил в мастерскую. Наверное, это случилось с ним уже давно, а Даня почему-то только сегодня заметил.

Наверное, он и правда слишком редко тут бывает.

Впрочем, улыбался папа жизнерадостно.

— Коммивояжёры, — развёл он рукой, второй продолжая лелеять коробку. — Поймал меня у самой двери, представь себе! И так удачно... Знаешь задачу коммивояжёра? Задача коммивояжёра: угадать такую квартиру, где

тебе не пересчитают все зубы за навязчивую рекламу.

— Холодные продажи? В наши дни? Да ещё и успешные? — изумился Даня. — Не иначе скоро по улицам города Петербурга пустят конки.

Впрочем, вряд ли продажи были такими уж холодными: коммивояжёр наверняка приходил не вслепую. Даня много раз пытался втолковать родителям, почему не стоит сверкать направо и налево личными данными, но всё впустую. «Представьте, — объяснял он, — что вы часто покупаете курочку по скидке — и оставляете магазину свои контакты ради этой самой скидки. Вроде бы безобидно, да? Но кто-то вроде меня — а вернее, отдалённо похожий на меня алгоритм — где-то составляет ваш профиль и сохраняет там эту информацию. Вы, наверное, полагаете, что использовать её будут для рекламы — да, это так. Но вот рекламы чего? Индейки или горошка? Это было бы логично — если бы целью составителя профиля были *ваши* интересы. А в реальности у него *свои*. И он, например, из вашей любви к курочке делает вывод, что вы предпочитаете некалорийную пищу — значит, наверное, на диете сидите. Значит, можно вам втюхивать какие-нибудь адские биодобавки и вредные программы для похудения. Понимаете?»